

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 577-588
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.577

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Specifics of the Population of the Villages of the Kuban Sub-Regions: Chernomoriya, Staraya Liniya and Zakubanye

Sergey L. Dudarev ^a, Nikolay S. Kovalenko ^b, Sergey N. Ktitorov ^b, Aleksei L. Pelikh ^{b, *}

^a Russian Geographical Society, Russian Federation

^b Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The purpose of this article is a comparative analysis of the population of the villages of the main subregions of the Kuban: Chernomoriya, Staraya Liniya and Zakubanye. The main materials in the preparation of this work were a variety of sources, including documents from the funds of the State Archive of the Krasnodar Territory, the Archival Department of the administration of Armavir and the Archival Department of the administration of the municipality of Mostovskiy district, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time. Of the published sources, the most significant for us are the materials of the censuses of 1897 and 1917, descriptions of villages, as well as notes and correspondence in regional periodicals. The social composition of the inhabitants, the attitude of the Cossacks to the alien element is analyzed. The characteristic of the ethnic and religious affiliation of the inhabitants is given. It is concluded that in the second half of the XIX – early XX centuries, the development of such parts of the Kuban region as the Staraya Liniya, Chernomoriya and Zakubanye, despite subordination to general trends, had its own characteristic features. They were determined by the circumstances of the initial development of these territories, their natural, economic and geographical conditions, as well as the activities of regional and local authorities. Under the influence of these factors, in the villages founded in various parts of the Kuban, by 1917, a specific ethno-religious and social composition of the inhabitants was formed, which represents an interesting and important phenomenon of the "Russian-speaking population", which contributed to the strengthening of the central government on the outskirts. The appearance of the Old Believer population and other unorthodox movements in the Kuban villages indicated that the government wanted to remove these denominations from the center of Russia both to maintain ideological uniformity and to eliminate "passionaries" to the periphery.

Keywords: Chernomoriya, Staraya Liniya, Zakubanye, Cossacks, nonresidents, Old Believers, Orthodox.

1. Введение

История российского освоения Кубани в конце XVIII – начале XX вв. в настоящее время является объектом пристального изучения, что подтверждается регулярным выходом научных исследований по различным аспектам данной темы. Подобные исследования важны не только для развития собственно исторической науки. Не менее значимая задача – адаптация и последующее использование данных, полученных при изучении исторических объектов, в частности в области регионального туризма.

В настоящий момент нами разрабатывается историко-культурная характеристика экскурсионного маршрута, одной из ключевых точек которого является станица Прочноокопская. Основанная в 1794 г. при одноименной крепости, располагавшейся на правом берегу среднего

* Corresponding author

E-mail addresses: pelich1976@mail.ru (A.L. Pelikh)

течения р. Кубань, она принадлежала к числу первых форпостов России в регионе. Вместе с рядом других станиц Прочноокопская в конце XVIII – первой половине XIX вв. составляла так называемую Старую Линию, которая, как отмечал Ф.А. Щербина, «служила первоначально чисто военной демаркационной линией между русскими владениями и землями кавказских горцев» (Азаренкова и др., 1985: 15; Щербина, 1908: 152-153).

Целью данной статьи является сравнительный анализ населения станиц основных субрегионов Кубани: Черномории, Старой Линии и Закубанья.

2. Материалы и методы

Линейные казачьи поселения неоднократно попадали в поле зрения профессиональных историков, но, как показывает анализ историографии, до настоящего времени практически не было издано работ, рассматривающих прошлое данных станиц в сравнении с населенными пунктами, водворенными на других этапах колонизации Кубани. Между тем окончательное решение проблемы определения общих и специфических черт развития Старой Линии в условиях ее военно-казачьего освоения, как нам представляется, лежит именно в плоскости компаративистского подхода.

Материалами при подготовке настоящей работы послужили документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, Архивного отдела администрации г. Армавира и Архивного отдела администрации муниципального образования Мостовский район, большинство из которых в научный оборот вводится впервые.

Из опубликованных источников наиболее значимыми для нас являются материалы переписей 1897 и 1917 гг., описания станиц, а также заметки и корреспонденции в таких региональных периодических изданиях, как «Кубанские областные ведомости» (Екатеринодар), «Отклики Кавказа» (Армавир), «Ставропольские епархиальные ведомости» и «Северный Кавказ» (Ставрополь), в которых нашли отражение многие сюжеты из истории основных субрегионов Кубани. Информация о специфике взаимоотношений казаков и иногородних, приверженцев канонического православия и староверов содержится в источниках мемуарного жанра.

Методологической основой нашей работы послужили принципы историзма, объективности, системности. Принцип историзма позволил рассмотреть контакты казаков и иногородних жителей кубанских станиц в условиях конкретной исторической действительности. Использование принципа научной объективности нашло выражение в привлечении и комплексном анализе различных видов источников. Принцип системности воплотился в рассмотрении вопросов взаимоотношений представителей различных групп населения Черномории, Старой Линии и Закубанья в контексте исторического развития всего региона и с учетом специфики природно-географических и социально-экономических условий. Компаративистский подход как составляющая общенаучного сравнительно-исторического метода применялся при сопоставлении структуры населения и демографических процессов в станицах изучаемых субрегионов Кубани.

3. Обсуждение

Историография прошлого кубанских станиц начинает формироваться еще в досоветский период, причем инициатором этих исследований выступила местная администрация. В 1880-х гг. Кубанским областным статистическим комитетом в станичные и сельские правления были разосланы анкетные листы с вопросами об истории и современном состоянии населенных пунктов. Результатом этого стала подготовка нескольких десятков очерков о станицах и селах области, вышедших в 1888–1889 гг. в 6 и 8 выпусках издававшегося в Тифлисе «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Несколько подобных работ были напечатаны в Екатеринодаре в различных томах «Кубанского сборника» и на страницах «Кубанских областных ведомостей». В основном эти статьи готовились местными учителями. Большинство досоветских публикаций о станицах следует рассматривать в качестве источников, а не историографии, так как в них преимущественно были представлены статистические материалы и описания современного для авторов состояния населенных пунктов. Вместе с тем в отдельных случаях появлялись и довольно серьезные исторические исследования, среди которых особенно выделяется работа А.Д. Ламонова о станице Кавказской (Ламонов, 1914).

В советское время история конкретных населенных пунктов региона практически не становилась объектом исследования профессиональных историков. В изданной же в 1967 г. коллективной научной монографии «Кубанские станицы» почти исключительное внимание уделялось анализу влияния социалистических преобразований на культуру и уклад жизни сельского населения Краснодарского края (Кубанские станицы..., 1967).

В региональной историографии новейшего периода работы, посвященные отдельным станицам, занимают все более заметное место. К настоящему времени имеются разноуровневые публикации практически обо всех относительно значительных населенных пунктах региона. Однако авторами подавляющего большинства из этих работ являются местные краеведы-любители, слабо знакомые с азами методики исторического исследования, что не позволяет их рассматривать в качестве научных сочинений.

Вместе с тем прошлое станиц различных субрегионов Кубани все чаще становится объектом изучения и профессиональных историков. В возрожденном в 2006 г. «Кубанском сборнике» был опубликован целый ряд серьезных работ об отдельных черноморских и линейных казачьих поселениях. В научный оборот введено большое количество прежде неизвестных источников по данной проблематике.

С 2000-х гг. начинают выходить пока еще немногочисленные монографические исследования, содержащие глубокий комплексный анализ исторического развития конкретных населенных пунктов. Среди них следует отметить труды В.А. Колесникова о станицах Расшеватской, Невинномысской и Григорополиской (Колесников, 2002, 2022, 2014), Н.Ф. Бугая о Старотитаровской (Бугай, 2009), Н.А. Тернавского о Елизаветинской (Тернавский, 2005), И.А. Соловьева о Воровсколеской (Соловьев, 2010). Особо следует отметить практически единственный в своем роде новейший обобщающий труд А.П. Скорика и И.М. Феединой, в котором на огромном фактическом материале предпринята попытка провести сопоставительный анализ развития станиц, селений и хуторов Кубани конца XVIII – первой трети XX вв. (Скорик, Феидина, 2022).

Настоящее исследование подготовлено в рамках актуализации внимания региональной исторической науки к прошлому казачьих поселений Кубани. На примере Прочноокопской, Новоминской и Ярославской станиц мы попытаемся установить специфические черты, присущие населению таких основных субрегионов Кубани, как Старая Линия, Черноморья (территория существовавшего до 1860 г. Черноморского казачьего войска) и Закубанье. При этом основное внимание будет уделено рассмотрению динамики этнорелигиозного и социального состава жителей указанных населенных пунктов во второй половине XIX – начале XX вв. Выделение нижней хронологической границы продиктовано, во-первых, завершением в мае 1864 г. военных действий по покорению Северо-Западного Кавказа и, во-вторых, изданием 29 апреля 1868 г. царским правительством закона, разрешившего лицам невойскового сословия селиться в казачьих землях и приобретать там недвижимое имущество.

Эти факторы вместе с отменой 19 февраля 1861 г. крепостного права обусловили приток в Кубанскую область значительного количества так называемых иногородних, которые, начиная с 1870-х гг., стали играть ведущую роль в сельском хозяйстве, торговле и промышленности региона. Особое внимание к периоду второй половины XIX – началу XX вв. также обусловлено тем, что именно в это время станицы Прочноокопская, Новоминская и Ярославская, основанные в 1794, 1821 и 1861 гг. соответственно, существовали одновременно. Верхний хронологический рубеж определяется революционными событиями 1917 г., положившими начало коренным изменениям в жизни всего российского общества.

4. Результаты

1. Социальный состав жителей. Отношение казаков к пришлому элементу.

Анализ разновременных статистических данных демонстрирует, что, начиная с пореформенного периода, численность населения Прочноокопской постоянно возрастает. В 1866 г. здесь проживало 3706 чел. (в том числе 425 чел. в хуторах); в 1873 г. – 3160; в 1882 г. – более 4,5 тыс., в 1897 г. – почти 5,7 тыс., в 1913 г. – 8620, а в 1917 г. (без соседних хуторов) – 8644 (Алфавитный список..., 1917: 64; ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1760. Л. 282об.-283; Кубанский календарь..., 1913: 400; Население Кубанской..., 1906: 172; Списки населенных..., 1873: 230; Фелицын, 1885: № 5947). Из приведенного ряда несколько выбиваются данные за 1873 г., демонстрирующие сокращение количества жителей, что, на наш взгляд, связано со статистической неточностью, или же тут не было учтено население располагавшихся на юрте станицы хуторов.

Таким образом, после окончательного замирения края и вплоть до начала Первой мировой войны число жителей станицы увеличилось без малого в три раза. Среди факторов этого роста следует выделить, в первую очередь, высокую рождаемость, наплыв иногородних, постепенное улучшение бытовых и санитарно-гигиенических условий, налаживание медицинской помощи и общие явления хозяйственно-экономического и социокультурного прогресса, на что определенное влияние оказывал располагавшийся всего в нескольких верстах от станицы Армавир. Жители Прочноокопской станицы могли «скоро и выгодно» сбывать в богатое торгово-промышленное село продукты своего сельскохозяйственного труда и приобретать взамен по вполне доступным ценам промышленные изделия (Областной отдел..., 1913).

Еще одним следствием близкого расположения ст. Прочноокопской по отношению к Армавиру стало заметное увеличение числа проживавших в нем лиц невойскового сословия. Если в 1882 г. иногородних в Прочноокопской было 846 человек (18,5 % всех жителей), то к концу XIX в. их число заметно увеличилось (Фелицын, 1885: № 5947). Согласно материалам первой всеобщей переписи Российской империи, в 1897 г. на долю пришлого элемента приходилась без малого четверть (24,5 %) станичников, которых всего насчитывалось 5677 человек (Население Кубанской..., 1906: 172). Начало нового столетия также было отмечено миграцией в Прочноокопскую выходцев из внутренних губерний.

Известий о притеснениях иногородних в станице Прочноокопской в доступных нам материалах не содержится, но это не означает, что в отношениях между ними и казаками царяла идиллия. Как

раз на обратное вполне может указывать сообщение анонимного корреспондента ставропольской газеты «Северный Кавказ», согласно которому пришлый «элемент, принадлежащий к крестьянскому сословию», проживал «особым поселком» на улице, сильно удаленной от центра населенного пункта ([Собор раскольников..., 1893](#)). Трудно сказать, следствием чего являлась подобная система расселения: из-за отказа коренных жителей допускать иногородних в район церковной площади или естественного желания последних жить рядом со своими земляками. Между тем автор упомянутой корреспонденции уточнял, что те иммигранты, о которых он говорил, были беспоповцами. Отсюда возникает предположение, что в Прочноокопской мог иметь место конфликт не между казаками и иногородними, а между представителями двух разных течений старообрядчества. По имеющимся у нас сведениям, до начала 1890-х гг. в рассматриваемой станице «огромное общество» составляли прихожане Белокриницкой иерархии, пользовавшиеся «широкими правами и свободой» ([Корреспонденции..., 1892](#); [Попов, 1891](#)). В отличие от беспоповцев, они имели священников и совершали религиозные обряды не в избах, а в храме, о котором епархиальный миссионер К. Попов в 1890 г. писал: «Раскольническая молебня господствует в станице, а православная церковь, точно угасающий светильник, одиноко и сиротливо ютится на высокой горе, не окруженная жителями, обездоленная средствами, убогая и ветхая, внутри и снаружи» ([Попов, 1891](#)).

После бесед с протоиереем К. Поповым прочноокопские старообрядцы, по словам священника Н.Т. Михайлова, стали активно переходить в единоверие ([Михайлов, 1910: 470](#)).

Водворение беспоповцев на окраине Прочноокопской очень напоминает ситуацию, которая, как явствует из источников, имела место и в закубанской станице Ярославской. Представители секты хлыстов здесь также селились довольно далеко от церковной площади; причем за районом их компактного проживания со временем закрепилось наименование Хлыстовка ([Областной отдел..., 1912](#)).

В пореформенный период приток иногородних не миновал и Новоминскую станицу, где, по состоянию на 1 сентября 1899 г., на них приходилась почти треть жителей, которых всего насчитывалось 9908 человек ([Корольков, 1900: 238](#)). Как и в большинстве бывших черноморских станиц, отношение казаков к пришлому элементу носило здесь ярко выраженный враждебный характер. Один из корреспондентов газеты «Северный Кавказ» в 1887 г. с сожалением отмечал, что крестьянские переселенцы живут в Новоминской так, «как будто бы они не члены одной и той же семьи, одного и того же государства» ([Корреспонденции..., 1887](#)). В подтверждение своих слов автор приводил такие характерные эпизоды из станичной действительности: «Высылают, например, иногородца-одиночку с лошадей «на саранчу»; тот предлагает взять его лошадь и просит не лишать его куска насынного хлеба. Когда просьбы его не помогли, он наотрез отказался «идти на саранчу»; и его связали по рукам, избили и, привязанного к дрогам, повели силою. Или вот еще пример: подходит несколько охмелевший помощник атамана нанимать косарей, а когда косарь вместо 90 коп., которые предлагал ему помощник атамана, запросил с него 1 р. 10 коп., он приказал его посадить в холодную, и это только за то, что косарь осмелился предложить свою цену» ([Корреспонденции..., 1887](#)). Эти свидетельства вновь подтверждают ранее неоднократно зафиксированные проявления дискриминации иногородних казаками.

На рубеже XIX и XX вв. известный кубанский публицист и историк Л.М. Мельников подготовил статью об иногородних, в которой, в частности, выделил психологические и экономические причины их антагонизма с коренными жителями. К числу первых он отнес сословную рознь, многолетнюю замкнутость казачества, а также его зависть к успехам пришельцев в различных видах их деятельности. Что же касается экономических факторов вражды, то таковыми исследователем признавались уменьшение размеров земельных паев и ужесточение условий казачьей службы ([Мельников, 1900: 98-100](#)). В случае с Новоминской, как нам представляется, определяющее значение имела вторая группа причин. Так, в статистическом очерке о данной станице, написанном в начале 1880-х гг. П.О. Кирилловым, говорилось, что местные торговцы в период уборки полей предоставляли жителям и разным арендаторам ссуды под высокие проценты с обязательным «условием продать хлеб ему, купцу». В результате станичники оказывались в долговой кабале, из которой потом почти никогда не выходили ([Кириллов, 1883: 637](#)). В свете того, что торговые обороты, позволявшие заниматься ростовщичеством, в основном имели только иногородние, владевшие гильдейскими свидетельствами (таких, по состоянию на 1882 г., было лишь четверо ([Кириллов, 1883: 637](#)), новоминские казаки связывали свои финансовые затруднения именно с ними. Вместе с тем отсутствие возможности разобраться с прямыми обидчиками приводило к вымещению злобы на гораздо менее защищенных и состоятельных крестьянах.

Не столь напряженно, хотя и не вполне однозначно, складывались взаимоотношения коренных и иногородних жителей станицы Ярославской. Выгодное экономико-географическое положение этого населенного пункта в сочетании с грамотной политикой местных атаманов во второй половине XIX – начале XX вв. обусловили его превращение в одно из наиболее крупных и развитых поселений Майкопского отдела.

По сведениям на 1897 г., в Ярославской проживало 8357 человек, из которых 5263 (или 63%) не принадлежали к войсковому сословию (для сравнения: в 1874 г. здесь насчитывалось 2355 жителей, из которых казаками не были 605 человек, или 25,7%) ([Население Кубанской..., 1906: 232](#); [Описание](#)

станци..., 1875: 205). Анализ местных метрических книг показывает, что основными поставщиками мигрантов для станицы служили Воронежская, Харьковская, Курская, Саратовская и Черниговская губернии (Коваленко, 2022: 131-132). Гораздо меньше переселенцев давала Центральная Россия, но именно с ней был связан самый богатый из жителей Ярославской, майкопский купец 2-й гильдии А.А. Кучин. Другие станичные предприниматели в большинстве своем также родились за пределами Кубанской области.

Подтверждением тому, что казаки и пришлый элемент сосуществовали в Ярославской в целом достаточно мирно, может служить высокий процент межсословных браков. Так, например, в 1913 г. в местной Сергиевской церкви обвенчалось 123 пары, из которых в 21 случае (т.е. 17,1%) был заключен союз между коренными и иногородними станичниками (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 138. Л. 1150б.-145). В основном представители казачества на подобных свадьбах были женихами (таких случаев было зафиксировано: в 1881 г. – 9, в 1882 г. – 16, в 1903 г. – 13, в 1912 г. – 19, в 1913 г. – 15) (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 97. Л. 570б.-68, 1630б.-177; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 820б.-1140б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 1220б.-149; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 138. Л. 1150б.-145). Важно понимать, что в реалиях Ярославской, где к началу XX в. в результате миграционного притока сформировалась заметная социально-демографическая диспропорция, женитьбы казаков на крестьянках и мещанках являлись одним из способов увеличения коренного населения. Именно поэтому некоторые наиболее дальновидные станичные руководители вполне могли не только поощрять такие брачные союзы, но и показывать в этом личный пример. В этой связи уместно вспомнить вахмистра М.А. Тисковского (возглавлял Ярославское станичное правление в 1907–1909, 1912–1915 и 1915–1918 гг.), который был женат на уроженке Тамбовской губернии и неоднократно приглашал в качестве воспитателей для своих детей иногородних (в т.ч. греков) (Дударев и др., 2022: 734).

2. Этническая и конфессиональная принадлежность жителей.

Этнический и религиозный состав населения ст. Прочноокопской определяется нами в первую очередь исходя из анализа материалов первой всеобщей переписи 1897 г. Согласно сведениям, собранным в 1882 г. Е.Д. Фелицыным, преобладающей народностью в изучаемой станице были великороссы (Фелицын, 1885: № 5947). Известно, что изначальный костяк населения Прочноокопской составили 200 казачьих семейств из донских Есауловской и Пятиизбянской станиц, отправленные на Кавказ в 1794 г. (Историческая заметка..., 1901; Телепень, 1997: 364). В конце XIX столетия почти для всех жителей этих селений родным языком являлся русский (Список населенных..., 1905: 144-145, 162-163), и, надо полагать, веком ранее, когда часть из них вынужденно сменила территорию проживания, ситуация в целом ничем не отличалась. Вместе с тем в первой половине XIX в. в Прочноокопскую активно прибывали черкесы, ногайцы, однодворцы, отставные солдаты и малороссы, которые массово зачислялись в войсковое сословие (Телепень, 1997: 364). Факты этнического смешения наблюдались по всей Старой Линии, что способствовало не только взаимному обогащению культур, но и формированию особого культурно-исторического типа казака-линейца. Эти процессы отчетливо характеризуют на конкретном материале феномен российскости (Великая, 2007: 88-101; Дударев, 2011: 510-512).

Среди кубанских станиц Прочноокопская считалась «самой старообрядческой». В 1844 г. на 2249 староверов здесь приходилось всего 256 православных жителей (Телепень, Виноградов, 1994: 27). Согласно переписи 1897 г., в Прочноокопской проживало 867 казачьих семейств, из которых 729 (т.е. 84,1 %) являлись адептами различных течений старообрядчества. Семей, исповедовавших православие в его никонианской форме, было значительно меньше (138 чел., или 24,3 %) (Население Кубанской..., 1906: 174-175). Что же касается иногородних жителей, то в случае с ними положение дел выглядело противоположным образом: абсолютное большинство принадлежало к никонианам. Старообрядческих семей в Прочноокопской, по состоянию на 1897 г., насчитывалось 753, в то время как православных – всего 399. По всей видимости, такое почти двукратное превосходство существовало во второй половине XIX – начале XX вв. постоянно и являлось одним из тех факторов, которые определяли внутреннюю жизнь населенного пункта. Не случайно священник Н.Т. Михайлов отмечал, что старообрядцам в Прочноокопской принадлежало преимущественное влияние на общественные дела, и приводил следующий факт: за 100 лет существования станицы во главе ее никогда не оказывались люди православного исповедания (Михайлов, 1910: 470).

На протяжении всего дореволюционного периода в Прочноокопской сохранялось строгое размежевание населения по религиозному признаку. Яркое свидетельство об этом оставил известный военный деятель Г.И. Филипсон, вспоминая, что во время визита сюда кавказского наместника князя М.С. Воронцова его встречали две отдельно стоявшие группы стариков, каждая из которых поднесла высокому гостю свой каравай и солонку. На вопрос князя о причинах такого обособления представитель более многочисленной партии станичников ответил: «Нам, ваше Сиятельство, нельзя быть вместе; то люди, а мы – псы. Родимся мы, нас никто не крестит, церкви у нас нет, вера наша запрещена; женимся мы без брака, околаваем без покаяния и святого причащения». Воронцову доложили, что большинство жителей Прочноокопской и всего Кубанского полка составляют раскольники. Распоряжением властей их молитвенный дом был закрыт, а богослужения по старому обряду запрещены. Князь заявил, что теперь в России веротерпимость, и немедленно приказал

открыть молельню и дозволить в ней службы. Это событие приобрело большой резонанс. По словам Г.И. Филипсона, «из Московской, Калужской, Саратовской и других губерний, с Дона и с Урала раскольники бросились в Прочный Окоп венчаться у беглого попа, который беспрепятственно отправлял богослужение, запрещенное во всей России» (*Осада Кавказа...*, 2000: 176-177).

Закрытость и предубеждения прочноокопских старообрядцев стали одним из факторов, мешавших развитию станичной инфраструктуры. Армавирский краевед Б.Л. Выродов, характеризуя взаимоотношения казаков с жителями расположенной на станичном юрте солдатской слободки Форштадт (при бывшей крепости Прочный Окоп), рассказал о следующем показательном случае. Население этого находящегося на Ставропольской возвышенности поселка очень страдало от отсутствия воды. В конце 1880-х гг. один из инженеров предложил устроить в слободке водокачку, чтобы поднять воду из Кубани, а затем пустить ее самотеком в Прочноокопскую, чему способствовал уклон рельефа. Однако у немногочисленных жителей Форштадта не было средств для реализации этого проекта. Казаки же участвовать в строительстве водопровода категорически отказались, говоря: «Не нужна нам форштадтская вода. Наша горка будет пониже форштадтской. Наши бабы ходили и будут ходить на Кубань. А вот пусть походят форштадтцы». Даже уговоры станичного атамана не могли сломить упрямства прочноокопских стариков.

Б.Л. Выродов, неоднократно бывавший в начале XX в. в станице и слободке и непосредственно общавшийся с местными жителями, вспоминал: «В Прочноокопе была очень большая старообрядческая община, характерная своей косностью и предрассудками. Старообрядцы, например, не давали напиток из своей посуды инаковерующим. Считали это грехом. И сами никогда не просили воды от тех, кто не разделял с ними одной веры. После грустной истории с водопроводом форштадтцы говорили иногда в шутку: – Побоялись, видно, прочноокопские старообрядцы, что нашу воду будут пить» (*АОАА. Ф. Р-1271. Оп.1. Д. 148. Л. 149-151*).

Если в Прочноокопской к началу XX в. доминировал русский язык, то в станице Новоминской, по данным переписи 1897 г., его считали родным только две из 1053 коренных семей, тогда как для остальных местных казаков таковым являлся малорусский (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Вероятно, в данном случае счетчики имели в виду не собственно украинский язык, а широко распространенную на Кубани балачку. Среди лиц невоинского сословия, населявших Новоминскую, малороссийская речь также преобладала; ее предпочитали использовать 267 из 496 иногородних семей (т.е. 53,8 %) (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Подобная ситуация обуславливалась несколькими причинами. Во-первых, запорожское казачество, из представителей которого было сформировано Черноморское войско, на всем протяжении своей истории пополнялось, главным образом, за счет уроженцев юго-западных русских земель, являвшихся в основном этническими украинцами.

Во-вторых, в первой половине XIX в. царское правительство трижды инициировало переселение на территорию восточного Приазовья крестьян из малороссийских губерний. Результатом этих мер стали не только придание нового импульса хозяйственно-экономическому освоению субрегиона и увеличение численности войскового сословия, но и усвоение черноморскими казаками украинских обычаев, песен, одежды, способов ведения хозяйства и т.д. (*Мякотин, 1895: 589*). В Новоминскую все это принесли выходцы из Канеловской, Староминской и Старощербиновской станиц, которые вместе с эмигрантами из Черниговской и Полтавской губерний, по словам П.О. Кириллова, и составили первоначальное население вновь возникшей станицы (*Кириллов, 1883: 618-619*).

В религиозном отношении Новоминская также сильно отличалась от Прочноокопской. По данным на 1897 г., здесь абсолютно преобладали приверженцы официального православия (1541 из 1549 всех семей, или примерно 99,5 %), а среди казаков имелись лишь три старообрядческих фамилии (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Вероятно, они обосновались в станице незадолго до проведения первой всеобщей переписи. Наше предположение основано на сообщении П.О. Кириллова о том, что в начале 1880-х гг., за исключением 11 армяно-григориан, представители неправославных конфессий в Новоминской отсутствовали. Вместе с тем указанный автор, опирающийся, главным образом, на статистические сведения, полученные от станичного правления, был, очевидно, не вполне удовлетворен их качеством как источника, поскольку говорил о возможности скрытого проживания в рассматриваемом населенном пункте небольшого количества шалопоутов. Аргументируя эту точку зрения, П.О. Кириллов ссылаясь на территориальную близость Новоминской к Уманской станице, где, по его словам, представители данной секты составляли около половины всех жителей (*Кириллов, 1883: 624*).

Между тем не вызывает сомнений, что распространению неортодоксальных направлений христианства в Кубанской области в целом и в бывшей Черномории в частности содействовали иногородние. Об этом свидетельствуют, в том числе, данные переписи 1897 г., согласно которым из 496 семейств невоинского сословия, проживавших в Новоминской, 491 семья исповедовала православие, по одной фамилии – старообрядчество и ислам, а еще три семьи заявили о принадлежности к иным христианским течениям (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Под последними могли подразумеваться как армяно-григориане, так и различные сектанты.

Наконец, в ст. Ярославской, по сведениям за 1897 г., проживало 1528 семей, из которых 1487 пар (97,32%) называли родными языки восточнославянской подгруппы: 1125 – великорусский, 358 – малорусский и 4 – белорусский. При этом два последних наречия встречались преимущественно у некоренных станичников (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). С учетом того, что главным этническим маркером в науке принято считать самоидентификацию индивида, а не используемый им язык, нужно обратить внимание на следующее. Исходя из места проживания, сословной принадлежности и обусловленных ею прав, обязанностей и рода деятельности, войсковое население Ярославской осознавало себя, в первую очередь, в качестве кубанских казаков. Но при этом, помня о своем российском подданстве и оставаясь носителями русского языка, они не отрицали своей общности с русским народом в его дореволюционном понимании как единства великороссов, малороссов и белорусов (подобный дуализм сознания выступает характерной чертой практически всех субэтнотосов). Что же касается иногородних станичников, для которых военная служба являлась жизненным этапом, а не смыслом всей жизни, то среди казаков за ними закрепилось обозначение «мужики». Тем самым подчеркивалось, что пришлый элемент, в отличие от войскового населения, в основной своей массе принадлежал к непривилегированным сословиям и в противоположность ему, как правило, сосредотачивал свои усилия на хлебопашестве.

Языковая ситуация в Ярославской являлась прямым следствием заселения станицы в основном бывшими линейными казаками. Помимо восточнославянских наречий, перепись 1897 г. показала наличие в Ярославской станице по шесть коренных и иногородних фамилий, говоривших на «других европейских языках» (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). Какое именно содержание переписчики вкладывали в данное понятие, нам неизвестно. Вместе с тем доступные материалы свидетельствуют о том, что в рассматриваемом пункте проживали два семейства майкопских мещан Юстов, главы которых, Александр и Рихард Карловичи, вероятно, являлись этническими немцами. Старший из братьев в 1895 г. открыл в станице паровой маслобойный завод и по мере возможностей занимался благотворительностью (*Адресный список..., 1907: 230; Корреспонденции..., 1896*). Не исключено, что под «другими европейскими языками» понимался также идиш, который при переписи, возможно, указал в качестве родного крещеный еврей В.К. Стояновский, владевший аптеками в Ярославской и Лабинской станицах (*АОАА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 890б.-90*).

Неоднозначно обстоят дела и с теми лицами невойскового сословия, которые считали своими родными неевропейские языки. Отметим, что всего таких семейств в Ярославской, согласно переписи 1897 г., насчитывалось 28 (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). Эта цифра примерно совпадает с количеством греческих фамилий, которые были обнаружены нами в метрических книгах Сергиевской церкви рассматриваемой станицы за 1903 и 1912 гг.: Атамилис, Григориадис, Конкалидис, Иронимос, Йортанопуло, Левитис, Панайотов, Пиперопуло, Полигранициди, Таксидов, Телопулос, Тилькириду, Христофоридис, Ченакилис и др. Логично предположить, что носителями неевропейских языков, упоминаемыми в материалах переписи, могли быть именно они. В пользу этого также косвенно свидетельствует то, что большинство греков, проживавших в Ярославской, являлись выходцами из Малой Азии (*Дударев и др., 2022: 735*). Возможно, что за несколько столетий османского владычества они утратили родную речь и стали использовать в быту турецкий язык.

Что касается конфессионального состава жителей Ярославской, то, исходя из материалов первой всеобщей переписи, в конце XIX в. он отличался от прочноокопского и новоминского предельной однородностью. Из населявших Ярославскую 1528 семей 1523 пары (т.е. примерно 99,7 %) являлись прихожанами Русской православной церкви, тогда как оставшиеся пять (все они были иногородними) исповедовали другие направления христианства (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). В данном случае речь могла идти не только о хлыстах, которых, по состоянию на 1907 г., в рассматриваемом пункте насчитывалось 46 человек (*Ведомость о состоянии..., 1908*), но и о лютеранах. Известно, что адептом этой конфессии был местный предприниматель Р.К. Юст (*Коваленко, 2021: 52*).

5. Заключение

Завершая настоящий обзор, мы можем сделать следующие выводы. Во второй половине XIX – начале XX вв. развитие таких частей Кубанской области, как Старая Линия, Черноморья и Закубанье, несмотря на подчиненность общим тенденциям, имело свои характерные особенности. Они определялись обстоятельствами первоначального освоения указанных территорий, их природно- и экономико-географическими условиями, а также деятельностью региональных и местных властей. Под влиянием перечисленных факторов в станицах, основанных в различных частях Кубани, к 1917 г. сформировался специфический этнорелигиозный и социальный состав жителей, который представляет интересный и важный феномен «русскоязычного населения», способствовавшего укреплению центральной власти на местах, в данном случае на Кубани, где оно исторически изначально не было представлено совсем, что долгое время создавало проблемы в вовлечении Северо-Западного Кавказа в состав России. Как верно указывают специалисты-историки, «восточнославянская оседлость являлась интегрирующим фактором» (*Матвеев, 2019: 310-311*). В то же время само появление здесь (и на Кавказе в целом) старообрядческого населения и других

неортодоксальных течений указывало на то, что правительство желало удалить эти деноминации из центра России как для соблюдения идеологического единообразия, так и устранения на периферию «пассионариев»-старообрядцев. К моменту начала революционных потрясений в данном регионе получили развитие конкретные отрасли хозяйства, чему способствовал, в частности, старообрядческий элемент с его специфической экономической этикой, сложилось антагонистическое или, напротив, в целом терпимое отношение казаков к иногородним. Все это, в свою очередь, способствовало формированию у разных групп станичных жителей отличных друг от друга морально-нравственных и политических идеалов, обусловивших те или иные траектории их коллективного поведения в период революции и Гражданской войны.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научно-инновационного проекта № НИП-20.1/22.7.

Литература

Адресный список..., 1907 – Адресный список фабрично-ремесленных, горнозаводских и других промышленных предприятий, по сведениям на 1903 год, дополненный по материалам за 1904–1905 гг. (по губерниям и производствам) / Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. СПб.: Типография К.А. Четверикова, 1907. Паг. 6. С. 1-699.

Азаренкова и др., 1985 – Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар: Книжное издательство, 1985. 394 с.

Алфавитный список..., 1917 – Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 года. Екатеринодар: Б.и., 1917. 111 с.

АОАА – Архивный отдел администрации г. Армавира.

АОАМР – Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовский район.

Бугай, 2009 – Бугай Н.Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица (1792 – начало XXI в.). Тула: Гриф и К, 2009. 1021 с.

Ведомость о состоянии..., 1908 – Ведомость о состоянии сектантства и раскола в Ставропольской епархии за 1907 год // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. 28 июня.

Великая, 2007 – Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение.* № 45, 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. С. 88-101.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Дударев, 2011 – Дударев С.Л. «Российскость» и «совместничество» как доминанты отечественной истории / Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 510-512.

Историческая заметка..., 1901 – Историческая заметка о расколе в ст. Прочноокопской, Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1901. 16 ноября.

Как и где поселились..., 1892 – Как и где поселились черноморцы сто лет тому назад (окончание) // Северный Кавказ. 1892. 22 октября.

Кириллов, 1883 – Кириллов П.О. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1883. С. 618-642.

Коваленко, 2021 – Коваленко Н.С. Судьбы владельцев торгово-промышленных заведений предгорной полосы Кубанской области в контексте экскурсионной деятельности / *Экскурсия в учебно-методической, научной и культурно-просветительской деятельности: материалы региональной научно-практической конференции.* Армавир: РИО АГПУ, 2021. С. 45-54.

Коваленко, 2022 – Коваленко Н.С. Здание Ярославского иногороднего училища как источник по истории Закубанья / *Лунинские чтения. Выпуск 1: Материалы Всероссийской научно-практической конференции по археологии, локальной истории и музееведению Юга России.* Армавир: АртПринт, 2022. С. 129-138.

Колесников, 2011 – Колесников В.А. Былое Невинного мыса: к 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь: ЮРКИТ, 2011. 673 с.

Колесников, 2011 – Колесников В.А. Город Григория. Очерки истории станицы Григоринополисской (1784–1917). Ставрополь: Надыршин А.Г., 2014. 373 с. [72] л. ил.

Колесников, Федосов, 2001 – Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801–2001): К 200-летию со дня основания. Ставрополь: ЮРКИТ, 2001. 367 с.

Корольков, 1900 – Корольков Г.К. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа. 1900. 353 с.

Корреспонденции..., 1887 – Корреспонденции. Ст. Новоминская, Кубанской области // *Северный Кавказ.* Ставрополь, 1887. 19 июля.

- Корреспонденции..., 1892** – Корреспонденции. Ст. Прочноокопская, Кубанской области // *Северный Кавказ*. Ставрополь, 1892. 14 мая.
- Корреспонденции..., 1896** – Корреспонденции. Ст. Ярославская // *Кубанские областные ведомости*. Екатеринодар, 1896. 11 мая.
- Кубанские станицы..., 1967** – Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967. 356 с.
- Кубанский календарь..., 1913** – Кубанский календарь на 1913 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1913. 752 с.
- Ламонов, 1914** – Ламонов А. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // *Кубанский сборник*. Т. 19. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1914. С. 447-622.
- Матвеев, 2019** – Матвеев В.А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начала XX вв. Ростов-наДону: Изд-во ЮФУ, 2019. 340 с.
- Мельников, 1900** – Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // *Кубанский сборник*. Т. 6. Екатеринодар: Типография И.Ф. Бойко, 1900. С. 71-140.
- Михайлов, 1910** – Михайлов Н.Т. Ставропольская губерния и Кубанская область. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1910. 500 с.
- Мякотин, 1895** – Мякотин В.А. Казачество / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVA. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1895. С. 581-592.
- Население Кубанской..., 1906** – Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1906. 589 с.
- Областной отдел..., 1913** – Областной отдел. Ст. Прочноокопская // *Отклики Кавказа*. 1913. 9 июня.
- Областной отдел..., 1912** – Областной отдел. Ст. Ярославская // *Отклики Кавказа*. 1912. 12 апреля.
- Описание станиц..., 1875** – Описание станиц Майкопского уезда // Памятная книжка Кубанской области на 1875 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1875. Паг. 2. С. 99-207.
- Осада Кавказа..., 2000** – Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2000. 683 с.
- Попов, 1891** – Попов К. Дневник ставропольского противораскольнического епархиального миссионера (описание) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1891. 16 февраля.
- Скорик, Федина, 2022** – Скорик А.П., Федина И.М. Кубанские курени и станицы. Повседневный исторический уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков: монография. Новочеркасск: Лик, 2022. 1336 с.
- Собор раскольников..., 1893** – Собор раскольников-беспоповцев в станице Прочноокопской, Кубанской области // *Северный Кавказ*. 1893. 8 апреля.
- Соловьев, 2010** – Соловьев И.А. Станица Воровсколеская: от форпоста до сельской глубинки. Ставрополь: Графа, 2010. 608 с.
- Списки населенных..., 1873** – Списки населенных мест Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1873. Паг. 2. С. 214-232.
- Список населенных..., 1905** – Список населенных мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года: В 2 ч. Ч. 1. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1905. 607 с.
- Телепень, Виноградов, 1994** – Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах (в помощь любителям истории). Армавир: АИПП комитета по делам издательств и полиграфии администрации Краснодарского края, 1994. 32 с.
- Телепень, 1997** – Телепень С.В. Прочноокопская / Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар: Эдви, 1997. С. 364-365.
- Тернавский, 2005** – Тернавский Н.А. Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар: Краснодар. ун-т культуры и искусств, 2005. 174 с.
- Фелицын, 1885** – Фелицын Е.Д. Списки населенных мест Кубанской области по сведениям 1882 года / Сборник сведений о Кавказе. Т. 8. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885.
- Щербина, 1908** – Щербина Ф.А. Исторический очерк Кубанского казачьего войска // Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско (1696–1888). Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1908. С. 1-240.
- Dudarev et al., 2022** – Dudarev S.L., Kovalenko N.S., Ktitorov S.N., Pelikh A.L. Contacts of the Russian-Speaking Population of the Foothills of the Kuban with the Greek colonists in the second half of the 19th – early 20th centuries (according to Registers of Births) // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 729-738.

References

- Adresnyi spisok..., 1907** – Adresnyi spisok fabrichno-remeslennykh, gornozavodskikh i drugikh promyshlennykh predpriyatii, po svedeniyam na 1903 god, dopolnennyyi po materialam za 1904–1905 gg. (po guberniyam i proizvodstvam) [Address list of factory-craft, mining and other industrial enterprises, according to information for 1903, supplemented by materials for 1904–1905 (by provinces and industries)]. Adresnaya kniga fabrichno-zavodskoi i remeslennoi promyshlennosti vsei Rossii. SPb.: Tipografiya K.A. Chetverikova, 1907. Pag. 6: -699. [in Russian]
- Azarenkova i dr., 1985** – Azarenkova, A.S., Bondar', I.Yu., Vertysheva, N.S. (1985). Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.). [The main administrative-territorial transformations in the Kuban (1793–1985)]. Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 394 p. [in Russian]
- Alfavitnyi spisok..., 1917** – Alfavitnyi spisok dach i naseleennykh punktov Kubanskoi oblasti po dannym perepisi 1917 goda [Alphabetical list of dachas and settlements of the Kuban region according to the 1917 census]. Ekaterinodar: B.i., 1917. 111 p. [in Russian]
- AOAA** – Arkhivnyi otdel administratsii g. Armavira [Archive Department of the administration of Armavir].
- AOAMR** – Arkhivnyi otdel administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya Mostovskii raion [Archive Department of the administration of the Mostovsky district municipality].
- Bugai, 2009** – Bugai, N.F. (2009). Staro-Titarovskaya: kuren', kurennoe poselenie, stanitsa (1792 – nachalo XXI v.) [Staro-Titarovskaya: kuren, kurenny settlement, stanitsa (1792 – the beginning of the XXI century)]. Tula: Grif i K, 1021 p. [In Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The State Archive of the Krasnodar Territory].
- Dudarev et al., 2022** – Dudarev, S.L., Kovalenko, N.S., Ktitorov, S.N., Pelikh, A.L. (2022). Contacts of the Russian-Speaking Population of the Foothills of the Kuban with the Greek colonists in the second half of the 19th – early 20th centuries (according to Registers of Births). *Bylye Gody*. 17(2): 729-738.
- Dudarev, 2011** – Dudarev, S.L. (2011). «Rossiiskost'» i «sovmestnichestvo» kak dominanty otechestvennoi istorii [“Russianness” and “co-operation” as dominants of National History]. Sbornik nauchnykh rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: stat'i, materialy, retsenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: Ileksa, 2011: 510-512. [in Russian]
- Felitsyn, 1885** – Felitsyn, E.D. (1885). Spiski naseleennykh mest Kubanskoi oblasti po svedeniyam 1882 goda [Lists of settlements of the Kuban region according to the data of 1882]. *Sbornik svedenii o Kavkaze*. T. 8. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1885. [in Russian]
- Istoricheskaya zametka..., 1901** – Istoricheskaya zametka o raskole v st. Prochnookopskoi, Kubanskoi oblasti [Historical note on the split in Prochnookopskaya, Kuban region]. Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1901. 16 noyabrya. [In Russian]
- Kak i gde poselilis'..., 1892** – Kak i gde poselilis' chernomortsy sto let tomu nazad (okonchanie) [How and where the Chernomorians settled a hundred years ago (ending)]. *Severnyi Kavkaz*. 1892. 22 oktyabrya. [in Russian]
- Kirillov, 1883** – Kirillov, P.O. (1883). Novominskaya stanitsa. Statisticheskoe opisanie [Novominskaya stanitsa. Statistical description]. *Kubanskii sbornik*. T. 1. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1883: 618-642. [in Russian]
- Kovalenko, 2021** – Kovalenko, N.S. (2021). Sud'by vladel'tsev trgovno-promyshlennykh zavedenii predgornoi polosy Kubanskoi oblasti v kontekste ekskursionnoi deyatel'nosti [The fate of the owners of commercial and industrial establishments of the foothill strip of the Kuban region in the context of excursion activities]. Ekskursiya v uchebno-metodicheskoi, nauchnoi i kul'turno-prosvetitel'skoi deyatel'nosti: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Armavir: RIO AGPU. Pp. 45-54. [in Russian]
- Kovalenko, 2022** – Kovalenko, N.S. (2022). Zdanie Yaroslavskogo inogorodnego uchilishcha kak istochnik po istorii Zakuban'ya [The building of the Yaroslavl nonresident School as a source on the history of Zakuban]. Luninskie chteniya. Vyp. 1: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po arkheologii, lokal'noi istorii i muzevedeniyu Yuga Rossii. Armavir: ArtPrint, 2022. Pp. 129-138. [in Russian]
- Koe-chto o Labinskoi..., 1911** – Koe-chto o Labinskoi (srochnaya pochta) [Something about Labinskaya (urgent mail)]. *Otkliki Kavkaza*. 1911. 17 iyulya. [in Russian]
- Kolesnikov, 2011** – Kolesnikov, V.A. (2011). Byloe Nevinnogo mysa: k 185-letiyu pereseleniya Khoperskogo kazach'ego polka na Kuban' i Kumu i osnovaniya stanitsy Nevinnomysskoi [The past of the Innocent Cape: to the 185th anniversary of the resettlement of the Khopersky Cossack Regiment to the Kuban and Kuma and the founding of the village of Nevinnomysskaya]. Stavropol': YuRKIT, 673 p. [in Russian]
- Kolesnikov, 2011** – Kolesnikov, V.A. (2011). Gorod Grigoriya. Ocherki istorii stanitsy Grigoripolisskoi (1784–1917) [The City of Gregory. Essays on the history of the village of Grigoropolis (1784–1917)]. Stavropol': Nadyrshin A. G. 373 p. [in Russian]

- Kolesnikov, Fedosov, 2001** – *Kolesnikov, V.A., Fedosov, P.S.* (2001). Dva veka stanitsy Rasshevatskoi (1801–2001): K 200-letiyu so dnya osnovaniya [Two centuries of the village of Raszhevatskaya (1801–2001): To the 200th anniversary of its foundation]. Stavropol': YuRKIT, 367 p. [in Russian]
- Korol'kov, 1900** – *Korol'kov, G.K.* (1900). Voennno-statisticheskoe obozrenie Kubanskoj oblasti [Military Statistical review of the Kuban region]. Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 353 p. [in Russian]
- Korrespondentsii..., 1887** – Korrespondentsii. St. Novominskaya, Kubanskoj oblasti [Correspondence. Novominskaya St., Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. Stavropol', 1887. 19 iyulya. [in Russian]
- Korrespondentsii..., 1892** – Korrespondentsii. St. Prochnookopskaya, Kubanskoj oblasti [Correspondence. St. Prochnookopskaya, Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. Stavropol', 1892. 14 maya. [in Russian]
- Korrespondentsii..., 1896** – Korrespondentsii. St. Yaroslavskaya [Correspondence. Yaroslavskaya St.]. *Kubanskije oblastnyje vedomosti*. Ekaterinodar, 1896. 11 maya. [in Russian]
- Kubanskije stanitsy..., 1967** – Kubanskije stanitsy: Etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy na Kubani [Kuban villages: Ethnic and cultural processes in the Kuban]. M.: Nauka, 1967. 356 p. [in Russian]
- Kubanskii kalendar'..., 1913** – Kubanskii kalendar' na 1913 god [Kuban calendar for 1913]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1913. 752 p. [in Russian]
- Lamonov, 1914** – *Lamonov, A.* (1914). Istoricheskii ocherk o zaselenii stanitsy Kavkazskoi Kubanskogo kazach'ego voiska [Historical essay on the settlement of the Caucasian village of the Kuban Cossack army]. *Kubanskii sbornik*. T. 19. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya. Pp. 447-622. [in Russian]
- Matveev, 2019** – *Matveev, V.A.* (2019). Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroi polovine XVIII – nachala XX vv. [Russian settlement in the Caucasus: features of formation in the second half of the XVIII – early XX centuries.]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 340 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 1900** – *Mel'nikov, L.M.* (1900). Inogorodnie v Kubanskoj oblasti [Nonresidents in the Kuban region]. *Kubanskii sbornik*. T. 6. Ekaterinodar: Tipografiya I.F. Boiko. Pp. 71-140. [in Russian]
- Mikhailov, 1910** – *Mikhailov, N.T.* (1910). Stavropol'skaya guberniya i Kubanskaya oblast'. Spravochnik po Stavropol'skoi eparkhii [Stavropol province and Kuban region. Handbook of the Stavropol Diocese]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 500 p. [in Russian]
- Myakotin, 1895** – *Myakotin, V.A.* (1895). Kazachestvo [Cossacks]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVI. Spb.: Tipolitografiya I.A. Efrona. Pp. 581-592. [in Russian]
- Naselenie Kubanskoj..., 1906** – Naselenie Kubanskoj oblasti po dannym vtorykh ekzempliarov listov perepisi 1897 g. [The population of the Kuban region according to the second copies of the 1897 census sheets]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1906. 589 p. [in Russian]
- Oblastnoi otdel..., 1913** – Oblastnoi otdel. St. Prochnookopskaya [Regional department. St. Prochnookopskaya]. *Otkliki Kavkaza*. 1913. 9 iyunya. [in Russian]
- Oblastnoi otdel..., 1912** – Oblastnoi otdel. St. Yaroslavskaya [Regional department. Yaroslavl St.]. *Otkliki Kavkaza*. 1912. 12 aprelya. [in Russian]
- Opisanie stanits..., 1875** – Opisanie stanits Maikopskogo uezda [Description of the villages of the Maikop district]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1875 god. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1875. Pag. 2: 99-207. [in Russian]
- Osada Kavkaza..., 2000** – *Osada Kavkaza: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v.* [The Siege of the Caucasus: Memoirs of the participants of the Caucasian War of the XIX century.]. Spb.: Izd-vo zhurn. «Zvezda», 2000. 683 p. [in Russian]
- Popov, 1891** – *Popov, K.* (1891). Dnevnik stavropol'skogo protivoraskol'nicheskogo eparkhial'nogo missionera (okonchanie) [Diary of the Stavropol Anti-schismatic Diocesan missionary (ending)]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 16 fevralya. [in Russian]
- Shcherbina, 1908** – *Shcherbina, F.A.* (1908). Istoricheskii ocherk Kubanskogo kazach'ego voiska [Historical sketch of the Kuban Cossack army]. Felitsyn E.D., Shcherbina F.A. Kubanskoe kazach'e voisko (1696–1888). Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva. Pp. 1-240. [in Russian]
- Skorik, Fedina, 2022** – *Skorik, A.P., Fedina, I.M.* (2022). Kubanskije kureni i stanitsy. Povsednevnyi istoricheskii uklad kubanskikh kazakov i istoricheskie formy poselenii na Kubani v kontse XVIII – pervoi treti XX vekov [Kuban kurens and villages. The everyday historical way of the Kuban Cossacks and the historical forms of settlements in the Kuban at the end of the XVIII – first third of the XX centuries]. Novocheerkassk: Lik, 1336 p. [in Russian]
- Sobor raskol'nikov..., 1893** – Sobor raskol'nikov-bespopovtsev v stantse Prochnookopskoj, Kubanskoj oblasti [Cathedral of Raskolnikov-bespopovtsev in the village of Prochnookopskaya, Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. 1893. 8 aprelya. [in Russian]
- Solov'ev, 2010** – *Solov'ev, I.A.* Stanitsa Vorovskoleskaya: ot forposta do sel'skoi glubinki [The village of Vorovskoleskaya: from the outpost to the rural hinterland]. Stavropol': Grafa, 2010. 608 p. [in Russian]
- Spiski naselennykh..., 1873** – Spiski naselennykh mest Kubanskoj oblasti [Lists of populated places in the Kuban region]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1874 god. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1873. Pag. 2. Pp. 214-232. [in Russian]

[Spisok naselennykh..., 1905](#) – Spisok naselennykh mest Oblasti voiska Donskogo po pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [List of settlements of the Donskoy Army Region according to the first general population census of the Russian Empire in 1897]: V 2 ch. Ch. 1. Novocherkassk: Oblastnaya voiska Donskogo tipografiya, 1905. 607 p. [in Russian]

[Telepen', Vinogradov, 1994](#) – *Telepen', S.V., Vinogradov, V.B.* (1994). Zаметки o kazakakh-lineitsakh (v pomoshch' lyubitelyam istorii) [Notes about the Cossacks-linemen (to help history lovers)]. Armavir: AIPP komiteta po delam izdatel'stv i poligrafii administratsii Krasnodarskogo kraja, 32 p. [in Russian]

[Telepen', 1997](#) – *Telepen', S.V.* (1997). Prochnookopskaya [Prochnookopskaya]. Entsiklopedicheski slovar' po istorii Kubani s drevneishikh vremen do oktyabrya 1917 goda. Krasnodar: Edvi. Pp. 364-365. [in Russian]

[Ternavskii, 2005](#) – *Ternavskii, N.A.* (2005). Elizavetinskaya: istoriya kubanskoj stanitsy [Elizavetinskaya: the history of the Kuban stanitsa]. Krasnodar: Krasnodar. un-t kul'tury i iskusstv, 174 p. [in Russian]

[Vedomost' o sostoyanii..., 1908](#) – Vedomost' o sostoyanii sektantstva i raskola v Stavropol'skoi eparkhii za 1907 god [Statement on the state of sectarianism and schism in the Stavropol Diocese for 1907]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1908. 28 iyunya. [in Russian]

[Velikaya, 2007](#) – *Velikaya, N.N.* (2007). Rossiiskost' kak paradigma izucheniya rossiisko-kavkazskogo edinstva [Russianness as a Paradigm for Studying Russian-Caucasian Unity]. Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. *Yuzhnorossiiskoe obozrenie*. № 45, 2007. Posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika AN SSSR A.L. Narochnitskogo. Otv. red. V.V.Chernous. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTs VSh YuFU. Pp. 88-101. [in Russian]

Специфика населения станиц субрегионов Кубани: Черномория, Старая Линия и Закубанье

Сергей Леонидович Дударев ^a, Николай Сергеевич Коваленко ^b, Сергей Николаевич Ктиторов ^b, Алексей Леонидович Пелих ^{b, *}

^a Русское географическое общество, Российская Федерация

^b Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является сравнительный анализ населения станиц основных субрегионов Кубани: Черномории, Старой Линии и Закубанья. Важнейшими материалами при подготовке работы послужили разнообразные источники, в том числе документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, Архивного отдела администрации г. Армавира и Архивного отдела администрации муниципального образования Мостовский район, большинство из которых в научный оборот вводится впервые. Из опубликованных источников наиболее значимыми для нас являются материалы переписей 1897 и 1917 гг., описания станиц, а также заметки и корреспонденции в региональных периодических изданиях. Анализируется социальный состав жителей, отношение казаков к пришлому элементу. Дается характеристика этнической и конфессиональной принадлежности жителей. Делается вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. развитие таких частей Кубанской области, как Старая Линия, Черномория и Закубанье, несмотря на подчиненность общим тенденциям, имело свои характерные особенности. Они определялись обстоятельствами первоначального освоения указанных территорий, их природно- и экономико-географическими условиями, а также деятельностью региональных и местных властей. Под влиянием перечисленных факторов в станицах, основанных в различных частях Кубани, к 1917 г. сформировался специфический этнорелигиозный и социальный состав жителей, который представляет интересный и важный феномен «русскоязычного населения», способствовавшего укреплению центральной власти на местах. Появление в кубанских станицах старообрядческого населения и других неортодоксальных течений указывало на то, что правительство желало удалить эти деноминации из центра России как для соблюдения идеологического единообразия, так и устранения на периферию «пассионариев».

Ключевые слова: Черномория, Старая Линия, Закубанье, казаки, иногородние, старообрядцы, православные.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pelich1976@mail.ru (А.Л. Пелих)